

ЯКОВ ИОСИФОВИЧ ГИН

(29.05.1958 – 18.02.1991)

Филолог, лингвист, исследователь поэтики грамматической категории: к 60-летию со дня рождения

«Мы хотим видеть его нашим современником и собеседником», – эти слова принадлежат доктору филологических наук, профессору С. Т. Золян, пришедшему из Еревана свой отклик на посланный ему доклад С. М. Лойтер «Поэтика грамматики в работах Я. И. Гина», прозвучавший на международной конференции «Грамматические исследования поэтического текста» в сентябре 2017 года в ПетрГУ. Материалы конференции уже изданы [27].

Когда задумываюсь о том, как к 33 годам, когда закончился земной путь Якова Гина, он стал серьезным, глубоким исследователем, автором многих работ по властно овладевшей, ставшей для него доминантной проблематике, касающейся знаменитой формулы Р. Якобсона «поэтика грамматики» и «грамматика поэзии», неизменно возвращаюсь к его детству. Именно там вижу исток, первоначало, основу и почву его словочувствований, слово- и звукопереживаний. Вспоминаю гениальные строки Б. Пастернака: «О детство! Ковш духовной глубины». Из детства родом рано явившиеся влечения и потребность в восприятии поэтического, некое его постижение. Если раньше я воспринимала это как отдельные факты, то теперь вижу непрерывный процесс духовного развития. «Рожденный быть филологом» назвала свои воспоминания о Я. Гине его одноклассница, затем однокурсница, теперь доктор филологических наук, профессор И. А. Спиридонова [25: 264–271].

Яше два года. Мы снимаем комнату в общей квартире старого деревянного дома. Чтобы ребенок не досаждал хозяевам и не посягал на их пространство, мы на наши скромные доходы приобрели проигрыватель, к которому он не просто пристрастился, слушая голоса детских и недетских писателей и музыку, но проигрыватель стал источником веры в чудо и истинность игры. Чтобы оторвать сына от прослушивания, отец говорил: «Ну, вот прилетела ворона и унесла проигрыватель». Ребенок примирялся с этим, но вскоре начиналось: «Папа, давай попросим ворону от-

дать проигрыватель». – «Давай», – соглашался отец. Яша выходил за дверь, стрелял из детского ружья, и проигрыватель появлялся. И так всякий раз. Как-то во время звучания 2-й симфонии Чайковского раздался тревожный и взволнованный крик: «Плакает!», – так он отреагировал на возникшую мелодию протяжной народной песни.

Любимой книгой с двух примерно до трех лет была «Гусли-самогуды», иллюстрированная Ю. Васнецовым и прекрасно обработанная фольклористом Н. П. Колпаковой:

Как по морю, морю,
По синему морю
Плыли, выплывали
Гусли-самогуды.
Выплывали гусли
На крут бережочек,
На крут бережочек,
На желтый песочек...

Олицетворенные гусли-самогуды действовали на него магически, и он многократно повторял для нас это словосочетание, рассчитывая на полное взаимопонимание. Каждый раз перед сном он приносил мне эту книжечку и требовал «Гусли-самогуды». Знание сюжета и повторение не снижали градус восприятия, и каждый раз он испытывал ту же радость, замороженный музыкой этих прекрасных поэтических строк.

С пяти лет в его жизнь вошла классика. Сначала это был длившийся несколько лет всепоглощающий интерес к античности. Греческая мифология, которую он со временем стал постигать по всем доступным источникам (недолго занималась с ним греческим Т. Г. Мальчукова; в пятом классе он помогал своей кузине, студентке первого курса филфака, готовиться к экзамену по античной литературе), настолько овладела его воображением, что ее персонажи населили многие его поэтические опусы. Один из них – быстрая реакция на потрясение, испытанное во время посещения Петергофа в 9-летнем возрасте, написанное гекзаметром:

Самсон широкоплечий пасть раздирает порождению Тифона и Ехидны.
 В раковину трубит Тритон, а с ним рядом сидят Нереиды – морские русалки.
 Вот Персей с головою Горгоны Медузы.
 В Монплезираком саду шутихи – Гермесовы дочери.
 А вдали солнечные нити разлились.
 Около балтийского прибоа, опершись на трезубец свой,
 Стоит властитель Посейдон.
 Среди роцц – богиня Флора.
 Эпилог.

И вот уж розовая полоса плывет над Петергофом.

В средних классах школы началось упоение классической поэзией. И это отражают безжалостные пометы карандашом, а иногда и ручкой на полях книг личной библиотеки. Его друг А. Краснов вспоминает, что чтение пушкинского «Пророка» «стало одним из самых ярких школьных впечатлений». Другие были потрясены тем, как он прочел стихотворение П. Антокольского «Дон Кихот». В старших классах увлекся театром, мечтая стать театральным режиссером. Это отражают наши издания Шекспира и особенно том с чеховскими пьесами, а также отдельный блокнот с пометами и соображениями о каждой роли. Воскресные поездки в ленинградские театры и прежде всего на спектакли Корогодского, который был его кумиром, как-то изменили его пристрастия. Возможно, он трезво оценил свои нетеатральные данные.

В девятом классе произошло знакомство Я. Гина с замечательным литературоведом П. А. Рудневым, влияние которого бесценно. Он покорило его тем, что разговаривал на равных, без снисходительности и ученого превосходства, посвятив в свои научные интересы, давал читать работы по стиховедению, пригласил на свои лекции по русской литературе XIX века, которые Яков воспринял восторженно. Интересна динамика их отношений: от поклонения и обожания к глубокому уважению и дружбе. Этому не мешала разница в возрасте. Они стали близкими, нужными друг другу людьми. В конце 1982 – первой половине 1983 года Яков, живя в Калининe, написал Петру Александровичу более двадцати писем (их переписка опубликована в Ежеквартальнике русской филологии и культуры. СПб., 1998. Т. II. № 4. С. 510–524). «Друг, сынок, соавтор, собрат» – так начинается одно из шуточных посланий П. А. Руднева. «Сынок» (а то и «щенок») – так он называл его часто, любил, помогал, заботился потечески. Они были соавторами: в Известиях Академии наук (Серия литературы и языка. Т. LVI) опубликована их совместная рецензия на книгу И. И. Ковтуновой «Поэтический синтаксис».

Поступив на первый курс филологического факультета Петрозаводского университета, Яков, обладая таким багажом прочитанных текстов, не испытывал необходимости специально читать к экзаменам, а занимался своими делами. С этого времени началась серьезная и насыщенная научная деятельность, обратившая на себя внимание известных ученых (Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев, В. Н. Топоров, И. И. Ковтунова и др.). Его увлекла лингвистика, идеи А. А. Потебни о внутренней форме языка. В лингвистическом кружке профес-

сора З. К. Тарланова он сделал доклад «О теории поэтического языка А. А. Потебни», а затем по предложению научного руководителя написал тезисы для предполагаемого сборника студенческих научных работ (сборник не вышел). Курсовая работа второго курса под названием «Из наблюдений над категорией рода в русской народной сказке» стала первой публикацией в межвузовском научном сборнике. В 1979 и 1980 годах на XXXIV и XXXV студенческих научных конференциях Тартуского университета доклады Я. Гина «О категории рода в русской сказке» и «Категория одушевленности – неодушевленности и олицетворение в русском языке» были удостоены 1-го места и Почетной медали СНО Тартуского университета по русской филологии, которую вручил Ю. М. Лотман.

В 1985 году Я. И. Гином была защищена в Ленинградском университете кандидатская диссертация на тему «Грамматический род как категория поэтического языка», ставшая впоследствии монографией «Поэтика грамматического рода» [21]. Она, как и другие его книги, была подготовлена и издана посмертно (см.: [24], [25], [26]). Поэтика грамматического рода исследовалась на огромном материале фольклорных (сказка, песни, паремии, загадки) и литературных текстов (оригинальных и переводных) XVIII–XX веков. Так изучалась одна из тех ядерных категорий, которые О. Есперсен и Р. Якобсон называли шифтерами.

Профессор Л. В. Савельева подчеркивала:

Сложности и многомерности художественного текста соответствовал глубоко разработанный автором комплексный анализ семантико-грамматического, фольклористического и семантико-эстетических аспектов, сама методика проведения которого являла собой научное достижение поэтической филологии [31: 3].

Роль рода в формировании структуры и смысла художественного текста рассматривалась впервые, как впервые специально изучалась в семантико-грамматическом плане корреляция рода и пола у олицетворенных субстантивов (эта проблема стала самостоятельной работой) [14].

Осуществленное Я. И. Гином исследование поэтики грамматического рода русских субстантивов в диссертации и последующих за ней статьях и исследование поэтики других грамматических категорий позволили ему выдвинуть предположение о существовании четырех общих лингвопоэтических норм при персонификации и дифференцировать их функционирование. Первая, самая очевидная, по мнению Гина, норма охватывает существительные мужского и женского

рода: для них при персонификации выбор семьи пола определяется граммемой рода персонифицируемого имени. Вторая охватывает все субстантивы и состоит в нарушении общеязыковой импликации: олицетворенное существительное, получающее значение пола, имеет тенденцию оставаться морфологически неодушевленным. Третья и четвертая нормы касаются субстантивов среднего рода, которые стали объектом отдельного исследования [17]. Рассмотрение типов лингвопоэтических норм в поэтическом языке подвело Гина к следующему положению: общая лингвопоэтическая норма (ОЛПН) может представлять собой как формальное отклонение от нормы литературного языка (НЛЯ), так и совпадение с ней; индивидуальная же лингвопоэтическая норма (ИЛПН) может представлять собой результат следования общей норме или ее нарушения. Другими словами, поэтический язык подчиняется особым грамматическим нормам, отличным от общеязыковых. Если лексическую поэтику Гин рассматривает как поэтику свободы, то грамматическая поэтика – поэтика обязательности [24: 78]. И грамматику он определяет как *язык языка*, «т. е. некий код, на котором мы общаемся с нашим языком и при помощи которого понимаем язык» [25: 84].

Из ядерных категорий, которые формируют диалогичную, коммуникативную структуру поэтического текста, Гин выделяет категории лица местоимений и глаголов, которым посвящает несколько работ [20], [23]. В статье «Поэтика грамматической категории лица в русской лирике» Гин писал:

Проблему поэтики категории лица в поэтической (в первую очередь – лирической) речи можно рассматривать в аспекте внутренней коммуникативной структуры текста (Я, ТЫ, ОН, ОНА – персонажи текста) и в аспекте соотношения внутренней и внешней (Я и ТЫ – автор и читатель) коммуникативных структур [24: 110].

Рассмотрение поэтического текста как исключительно динамичной структуры предшествует или сопутствует разработке понятий – *лингвопоэтический факт* и *лингвопоэтический комментарий* [5]. Лингвопоэтический комментарий в отличие от известных типов комментария, интерпретированных Б. В. Томашевским (историко-текстового, редакционно-издательского, историко-литературного, критического, лингвистического), являясь началом лингвопоэтического исследования, необходим, когда объясняется форма и семантика текста, что могут сделать лишь лингвистика и поэтика вместе, объединив свои усилия. «Яркие образцы» [33] таких исследований лингвопоэтического факта и лингвопоэтического комментария, свидетельствующих о многозначности поэтического текста «как пространства свободы» и обретающих «оригинальное лингвистическое преломление» [28], демонстрируют статьи: «К истолкованию финала плача Ярославны» [7], «Словесная трагедия: Месяц Месяцовой в “Коньке-горбунке” П. П. Ершова» [8], статьи о филумеле [10], [15], «Из “поэзии грамматики” у Мандельштама» [19], «Из комментариев к “Евгению Онегину”»: Агафон

[22], «Днепр – Непра – Лелепр: О поэтике гидронимов в фольклоре и литературе» [18].

Я. И. Гину принадлежит авторство термина «поэтическая филология» (ПФ), в котором он видит «объект гетероморфный и гетерогенный, своеобразное средостение между искусством и наукой» [12].

Уже упомянутый огромный исследовательский материал, состоящий как из литературных, так и фольклорных источников, и «составляет тот словесный континуум» [29], который иллюстрирует и обосновывает теоретические построения Я. И. Гина. А они напрямую ведут к кругу проблем, в котором В. Н. Топоров усмотрел «генезис грамматических категорий как элементов поэтического языка и генезис поэтики, увиденной сквозь призму языка, его грамматических категорий» [32]. И об этом говорят работы последних лет, когда Гин-докторант обдумывал, концептуализировал, обосновывал проблему построения поэтики грамматических категорий в целом, результатом чего стали статья «К вопросу о построении поэтики грамматических категорий» [17] и незавершенная рукопись «О построении поэтики грамматических категорий» [24: 87–92].

Следует сказать, что работы Я. И. Гина не преданы забвению.

Трудно назвать современное исследование по лингвопоэтике, в котором бы не встречалось ссылок на диссертацию и статьи Гина. <...> они требуют талантливых и самостоятельных продолжателей [33].

Его работы сделаны только на русском материале, но они оказывают «стимулирующее воздействие на всех, кто занимается в той или иной форме проблемами поэтики в самом широком смысле этого слова и, в частности, – поэтики исторической, обращенной к материалу иноязычному...», – пишет лингвист, исследователь исландского языка Т. А. Михайлова [30]. Сегодня проблемы поэтики грамматики актуализированы вузовской практикой.

Вернусь к отклику уже упомянутого известного лингвиста С. Золяна:

В будущем году Якову Иосифовичу исполнилось бы 60 лет... Может, правильнее сказать – исполнится 60 лет. Кто бы, как ни он, объяснил бы семантику этого грамматического различия: мы хотим видеть его нашим современником и собеседником.

Представительная конференция, на которой будут обсуждаться вопросы «поэзии грамматики и грамматики поэзии», была бы, может, и возможна, но тем не менее трудно представима без работ Якова Иосифовича и его самого. Так получилось, что тема, кардинальная для поэтики 60-х, в конце семидесятых уступила место семантическому анализу текста. Яков Иосифович, при всем интересе и уважении к его личности и его результатам, оставался в одиночестве. Многим казалось, что он разрабатывает уже почти иссякшее месторождение, дописывая недописанное классиками. Это было связано с общим кризисом грамматики – чисто морфологический подход к грамматике уже был исчерпан, новый – функциональный или когнитивный – еще никак не проявлял себя. Требовалось большое академическое мужество и уверенность в своей правоте, чтобы не только увидеть, но и сделать так, чтобы и другие увидели креативный потенциал грамматики. Ведь он работал в то время, когда в грамматике видели в первую очередь

облигаторные механизмы, навязывающие говорящему уже готовые смысловые схемы. Не случайно, что даже выдающийся филолог Ролан Барт сравнивал язык с... фашистом, имея в виду именно заставляющую говорящего оформлять свою мысль в соответствии с заданными лекалами языка. Сегодня лингвистика и грамматическая теория отказываются от подобных подходов, видя в грамматике не столько инвентарь готовых схем, сколько инструменты для самовыражения. То, что Яков Иосифович описывал как особенности поэтического языка, вскрывает потенциал языковой системы. Его образцовое описание употребления категории рода в русской поэзии может быть прочитано не

только как описание определенных поэтических практик, но и как раскрытие когнитивных аспектов грамматических категорий (здесь легко прочитываются и концепты, и метафоры, и блендинг), равно и как описание взаимодействия («интерфейс») семантики и прагматики.

Безусловно, подобная смена парадигм в грамматике обязательно станет стимулом и для более глубокого изучения грамматических аспектов поэтики. Развивая эти идеи, очень важно помнить о работах Якова Иосифовича Гина. Черед их настал. «Моим стихам, как драгоценным винам...», – и это должно стать истинным юбилеем Якова Иосифовича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гин Я. И. Из наблюдений над категорией рода в русских народных сказках // Язык жанров русского фольклора: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1977. С. 114–127.
2. Гин Я. И. Категория одушевленности-неодушевленности и проблема олицетворения // Тезисы 24 научной конференции студентов. Таллинн, 1980.
3. Гин Я. И. Словесная травестия // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв.: Уч. материал по теории литературы. Таллин, 1982. С. 65–69.
4. Гин Я. И. О функции категории рода в загадках // Язык жанров русского фольклора: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1983. С. 119–129.
5. Гин Я. И. О понятиях лингвопоэтического факта и лингвопоэтического комментария // Литературный процесс и развитие культуры XVIII–XX вв. Таллин, 1985. С. 110–115.
6. Гин Я. И. Грамматические особенности олицетворения существительного «горе» // Язык русского фольклора: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1985. С. 105–113.
7. Гин Я. И. К истолкованию финала плача Ярославны // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986. С. 81–86.
8. Гин Я. И. Словесная травестия: Месяц Месяцовой в «Коньке-горбунке» П. П. Ершова // Фольклорная традиция в русской литературе: Сб. науч. трудов. Волгоград, 1986. С. 17–23.
9. Гин Я. И. О перспективах изучения поэтики диалога: Коммуникативный статус малых жанров фольклора // Научно-технический прогресс и развитие науки: Тез. докл. Петрозаводск, 1987. С. 17–19.
10. Гин Я. И. Опыт лингвопоэтической интерпретации грамматического рода: Пел переделкинский филумела // Литературный текст: Проблемы и методы изучения: Межвуз. сб. Калинин, 1987. С. 47–60.
11. Гин Я. И. Заметки о русском провербиальном пространстве // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора: Предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 141–143.
12. Гин Я. И. О «поэтической филологии» // Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 20–22.
13. Гин Я. И. О лирической коммуникации // Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 95–97.
14. Гин Я. И. О корреляции рода и пола при олицетворении // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1989. С. 176–184.
15. Гин Я. И. Судьба Филомелы в русской поэзии // Русская речь. 1990. № 4. С. 32–39.
16. Гин Я. И. Лирическая коммуникация как культурный феномен // Семантические и коммуникативные категории текста: Тез. докл. Ереван, 1990. С. 46.
17. Гин Я. И. К вопросу о построении поэтики грамматических категорий // Вопросы языкознания. М., 1991. № 2. С. 103–110.
18. Гин Я. И. Днепр – Непра – Лелепр: О поэтике гидронима в фольклоре и литературе // Язык русского фольклора: Сб. науч. статей. Петрозаводск, 1992. С. 109–116.
19. Гин Я. И. Из «поэзии грамматики» у Мандельштама: Проблема обращенности // Известия Академии наук. Сер. лит. и яз. 1992. Т. 51. № 5. С. 52–59.
20. Гин Я. И. Поэтика грамматической категории лица в русской лирике // Проблемы исторической поэтики: Художественные и научные категории. Вып. 2. Петрозаводск, 1992. С. 85–96.
21. Гин Я. И. Поэтика грамматического рода / Подгот. текста С. М. Лойтер; Вместо предисл. Л. В. Савельева. Петрозаводск, 1992. 168 с.
22. Гин Я. И. Из комментариев к «Евгению Онегину»: Агафон // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. СПб., 1993. С. 135–143.
23. Гин Я. И. О построении поэтики грамматической категории лица: Фрагмент работы // Литература и фольклорная традиция: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 1993. С. 116–118.
24. Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы / Сост., подгот. текстов С. М. Лойтер. СПб.: Академический проект, 1996. 224 с.
25. Гин Я. И. О поэтике грамматических категорий / Сост., предисл., подгот. текстов, коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 285 с.
26. Гин Я. И. Поэтика грамматики / Сост., подгот. текста С. М. Лойтер: Электронное издание. Петрозаводск, 2017.
27. Грамматические исследования поэтического текста: материалы междунар. науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 176 с.
28. Козюра Е. О. Поэтика грамматики [рец. на: Гин Я. И. О поэтике грамматических категорий] // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 27. Воронеж, 2008. С. 285–287.
29. Левинтон Г. А. Яков Иосифович Гин // Живая старина. М., 2008. № 3. С. 40–42.
30. Михайлова Т. А. О поэтике грамматических категорий // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. III. М., 1997. С. 245–247.
31. Савельева Л. В. Проблемы лингвопоэтики в работах Я. И. Гина // Проблемы поэтики языка и литературы: Материалы межвуз. науч. конф. памяти Я. И. Гина. 22–24 мая 1996 г. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1996. С. 3–10.
32. Топоров В. Н. О «драматическом» начале и формах его выражения в архаических текстах // Проблемы поэтики языка и литературы: Материалы межвуз. науч. конф. памяти Я. И. Гина. 22–24 мая 1996 г. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1996. С. 10–15.
33. Хворостьянова Е. В. «Чтобы звучали шаги, как поступки...». Рец.: Гин Я. И. О поэтике грамматических категорий // Вопросы литературы. 2008. Сентябрь – октябрь. С. 362–365.

*С. М. Лойтер,
доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет*